

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

А.Г. Донгаров

СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКАЯ ВОЙНА 1939–1940 гг.

Донгаров Александр Герасимович – историк, дипломат.

После 30 лет исследовательской работы и появления многочисленных публикаций эта когда-то «незначимая» и даже «неизвестная» война стала одним из наиболее досконально изученных эпизодов отечественной истории. Благодаря рассекречиванию основных армейских и дипломатических архивов его событийная сторона уже давно не вызывает ни малейших разногласий. Все же ряд более общих вопросов остается без должного ответа, либо эти ответы не убедительны. На них мы и остановимся.

«Неужная война»

Практически у всех отечественных комментаторов «зимней войны» раньше либо позже возникает горькое впечатление о случайном, незапрограммированном ее характере, как о войне, которой могло, – и должно было! – не быть. Даже один из двух-трех главных ее «архитекторов» – В.М. Молотов, был готов повиниться за подобное развитие событий [1, с. 56; 2, с. 222].

Действительно, **фундаментальные** причины войны лежали за пределами контекста советско-финляндских отношений. Взятые сами по себе, эти отношения не давали никакого актуального повода, вроде территориальных претензий и т.п., для вооруженного конфликта. Тартуский мирный договор 1920 г., возможно, и не отвечал всем пожеланиям каждой из сторон, однако стал результатом общего согласия на установленный им баланс интересов. Заключенный в 1932 г. Пакт о ненападении гарантировал, что стороны не будут пытаться изменить найденный баланс в свою пользу вооруженным путем.

Беда, однако, состояла в том, что эти отношения, межгосударственные по форме и содержанию, в глазах руководителей обеих стран и значительной части населения Финляндии были скорее порождением перемирия в гражданской войне и еще долгое время оставались окрашенными в ее красно-

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

белые цвета. Весьма неприязненными оставались и текущие взаимоотношения. Москву, например, очень беспокоили распространенные в финском обществе, особенно армии, стойкие германофильские настроения, которые родились из чувства благодарности за помощь, оказанную Балтийской дивизией генерала фон дер Гольца «белой» Финляндии в войне против «красной» Финляндии и стоящего за ней русского большевизма. Не нравилась Кремлю и внешнеполитическая ориентация официального Хельсинки на Великобританию. В свою очередь, Финляндию, только что вышедшую из гражданской войны и войны за независимость, очень настораживала организационно-техническая и пропагандистская деятельность московского Коминтерна, который обещал ей скорое социалистическое будущее и вхождение в могучую семью советских республик. Эти отношения «холодного мира», минимально достаточные в обычной ситуации, оказались слишком непрочными, чтобы выдержать испытание начавшейся в Европе войной. В отсутствие реальных причин вооруженного конфликта их роль не менее «успешно» сыграли поводы фантомные, порожденные глубочайшим недоверием и взаимными подозрениями. Так что в этом смысле война 1939–1940 гг. не была сугубо привнесенным явлением: зерна ее можно обнаружить и в самих отношениях между Москвой и Хельсинки.

Надо оговориться, что опасались в Москве, конечно, не Финляндии, а того, что эта страна – добровольно или по принуждению – станет плацдармом для агрессии против СССР со стороны третьей державы. В связи с этим германофильские настроения финляндского общества и проанглийские сантименты официального Хельсинки вызывали у Кремля самые нехорошие предчувствия. А особое стратегическое положение Финляндии относительно Ленинграда усиливало эти предчувствия многократно.

Ключи от «северной столицы»

Для читателя, мало знакомого с военной стороной истории России, проблема безопасности Ленинграда обычно сводится к близости государственной границы на Карельском перешейке к городу – всего 32 км! Гвоздем в общественном сознании засел сталинский довод, что потенциальный агрессор мог обстреливать его из пушек прямо с финляндской территории. Напрашивалось, казалось бы, естественное решение проблемы: перенести границу подальше от города, на что, конечно, требовалось согласие финского правительства. Это был первый ключ к безопасности «северной столицы», который к ужасу советского правительства хранился не в Москве, а в Хельсинки.

Вторым таким ключом стало право Хельсинки на решающее слово в вопросе, позволить или нет Советскому Союзу создание системы обороны

Ленинграда со стороны моря. Исходившая оттуда угроза была, пожалуй, даже страшнее карельской. Эта застарелая проблема впервые дала о себе знать еще во времена русско-шведских войн XVIII в. Она напомнила о себе в годы Крымской войны, когда четыре английских военных корабля беспрепятственно прошли Финский залив, встали на внешнем рейде петербургского порта и произвели несколько залпов. Поскольку создание на Балтике Российского флота, равного по мощи британскому или германскому, было задачей невыполнимой, выход нашли в развертывании трехкомпонентной системы обороны, включавшей установку минных заграждений, организацию заградительного огня с батарей береговой артиллерии и действия кораблей Балтийского флота. Связующим элементом системы была береговая артиллерия, в задачу которой входили: ограничение свободы маневра для флота противника, ведение артиллерийских дуэлей с его линейными кораблями и противодействие попыткам разрушения минных заграждений катерами-тральщиками.

Идеальной считалась ситуация, когда залив перекрывался по всей ширине встречным перекрестным огнем русских батарей. Для этого их размещали на северном и южном побережьях Финского залива попарно одна напротив другой. Там, где не хватало дальности стрельбы, на многочисленных островах дополнительно устанавливались промежуточные батареи. В результате была создана уникальная по своей глубине система обороны, начинавшаяся с входа в Финский залив, который «запирался» совместными действиями двух баз – Ревельской (Таллиннской) на южном побережье и Ханко (Гангут) на северном, при поддержке базы на Аландских островах, и кончавшаяся Кронштадтской военно-морской базой с приданными ей фортами Ино на северном (финском) и Красная Горка и Серая Лошадь на южном (российском) побережье. К 1917 г. в акватории залива всего было установлено порядка 300 орудий и 25 тыс. морских мин. В ходе Первой мировой войны система доказала свою эффективность: предпринятые германским флотом две попытки прорыва окончились для него тяжелейшими потерями. Поэтому в 1938–1939 гг., когда проблема безопасности Ленинграда вновь обрела остроту, этот проверенный опытом способ ее решения представлялся – в парадигме имперской логики Кремля – наилучшим. Однако к указанному времени система была разрушена в прямом и переносном смысле этого слова. За исключением Кронштадта, Красной горки и Серой лошади, остальные батареи изначально размещались на территории прибалтийских государств и Финляндии и при эвакуации их русскими / советскими войсками в 1917–1918 гг. были демонтированы и взорваны. С учетом обретенной странами Балтии государственной независимости первым шагом к восстановлению системы морской обороны Ленинграда становилось заключение соответствующих договоров между ними и СССР.

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

Ключевое значение имело соглашение с Финляндией, которой принадлежали северное побережье и острова залива, в силу чего она контролировала его на всем протяжении, начиная от входа в районе полуострова Ханко вплоть до Кронштадта.

История переговоров

Ход советско-финляндских переговоров 1938–1939 гг. подробнейшим образом описан в нашей исторической литературе, в том числе и нами [3, с. 27–44]. Ограничимся поэтому кратким его изложением. Важнее ощущать общую атмосферу этих переговоров, которая сказалась на поведении сторон и в значительной степени предопределила их (переговоров) итоги. Характеризовалась она тем, что вынесенные Москвой на обсуждение вопросы интересовали исключительно ее саму, создавая при этом для официального Хельсинки ощутимые неудобства внутри- и внешнеполитического характера. Так, возникала необходимость в трудных объяснениях с финским общественным мнением, почему вообще правительство идет на обсуждение с СССР таких чувствительных вопросов, как обороны и территориальный. Внешнеполитические неудобства заключались в возможном осложнении отношений с Германией и Великобританией из-за участия страны в советских планах создания обороны Финского залива. Таким образом, Финляндии эти переговоры «о чужом счастье» были не нужны и в лучшем случае могли завершиться болезненными уступками в пользу недружественного соседа. Отсюда становятся понятными упорство и несговорчивость ее дипломатии. Сказалась и неопытность политической Финляндии в таком трудном искусстве, как нахождение взаимоприемлемых компромиссов. С другой стороны, на финальной стадии переговоров самую пагубную роль сыграла великодержавная спесь, овладевшая Москвой после заключения пакта Молотова–Риббентропа и приведшая к срыву переговоров и в конечном счете к войне.

Первый советско-финский контакт по указанным выше темам имел место в апреле 1938 г. Деликатный характер поднимаемых вопросов и риск натолкнуться на отказ Хельсинки от официального участия в их обсуждении вынудили правительство СССР действовать весьма экстравагантным образом. Сотрудник советского дипломатического представительства в Хельсинки в невысоком ранге второго секретаря Б.А. Ярцев (в действительности агент НКВД Б.А. Рыбкин) вдруг затребовал аудиенции у министра иностранных дел Р. Холсти и, получив ее, стал развивать перед удивленным министром взгляды своего правительства на ситуацию в регионе. Они сводились к следующему. СССР опасается вступления германских войск на территорию Финляндии с целью их дальнейшего продвижения в направлении Ленинграда, а также не исключает возможности прогерманского переворота в стране,

что еще больше осложнит ситуацию. Если Финляндия окажет сопротивление германской агрессии, то Красная Армия будет готова выступить ей на помощь и покинет страну сразу после окончания боевых действий. На этот счет предлагалось заключить военное соглашение. Холсти отрицал вероятность такого развития событий и, следовательно, актуальность предложенных мер. Несколько позднее Ярцев сделал новое предложение: Финляндия письменно гарантирует СССР, что окажет сопротивление вторжению вермахта на свою территорию и примет от Советского Союза помощь вооружением, а также разрешит действия Балтфлота у ее берегов и строительство на финском острове Суурсаари (Гогланд) советских военно-морской и военно-воздушной баз. Эти предложения также были отвергнуты как нарушающие суверенитет страны.

Возрастание военной угрозы для Восточной Европы в результате мюнхенской дипломатической капитуляции Великобритании и Франции перед Гитлером в сентябре 1938 г. подтолкнули правительство СССР к поиску максимально «проходного» варианта договоренности с Финляндией. По мнению Москвы, им могло стать предложение о сооружении Финляндией собственной базы на Суурсаари при понимании, что если финны не смогут защитить ее своими силами, то будут готовы принять помощь со стороны СССР. В очередной раз из Хельсинки ответили отказом.

В начале марта 1939 г. правительство СССР выступило с новой инициативой. Финляндии были предложены советская гарантия неприкосновенности ее суверенитета и территориальной целостности, всесторонняя помощь в отражении агрессии и поддержка ходатайства Хельсинки о пересмотре Международной конвенции о демилитаризации Аландских островов. В порядке встречных мер от нее ожидали обещания сопротивляться агрессии и согласия предоставить СССР в аренду на 30 лет Суурсаари и несколько других мелких островов в заливе для создания на них исключительно наблюдательных постов. Последовал очередной отказ.

Спустя самое короткое время из Москвы в Хельсинки направляется бывший полпред в Финляндии Б.Е. Штейн с полномочиями вести переговоры на базе как прежних советских предложений, так и нового – об обмене части финляндской территории на Карельском перешейке на большую территорию в Советской Карелии. 6 апреля 1939 г. миссия Штейна закончилась безрезультатно.

Свой отказ принять советские предложения правительство Финляндии объясняло ссылками на понятия суверенитета, территориальной целостности и нейтралитета. С точки зрения международного права, однако, эти ссылки были некорректны. В политическом и военном отношениях маршал Маннергейм считал последние дипломатические инициативы СССР не просто

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

приемлемыми, но выгодными для Финляндии, и безуспешно пытался убедить в этом политиканствующую верхушку своей страны [4, с. 203–204].

Заключительный раунд переговоров проходил в Москве в составе уже официальных делегаций с 12 октября по 13 ноября 1939 г. в два тура с перерывами. Советскую делегацию возглавил Молотов, финскую – старейший дипломат Ю. Паасикиви. Переговоры начались с предложения Молотова заключить договор о взаимопомощи, предусматривающий размещение в Финляндии советских войск и военных баз, но финская делегация отвергла его как противоречащее нейтральному статусу страны. После этого Молотов выдвинул другое предложение: отодвинуть границу на Карельском перешейке на несколько десятков километров и передать СССР ряд островов в Финском заливе в обмен на вдвое большую территорию в Советской Карелии, а также сдать в аренду на 30 лет, продать или обменять полуостров Ханко для сооружения там военно-морской базы. Паасикиви ответил, что в Финляндии решение территориальных вопросов является прерогативой Сейма, и с тем отбыл в Хельсинки для консультаций. 22 октября он вернулся в Москву с ответом финляндского правительства, который гласил, что, учитывая международную обстановку и свой абсолютный нейтралитет, Финляндия не может уступить Ханко или острова, но готова к определенному изменению линии прохождения границы на Карельском перешейке. Хельсинки также соглашались передать Советскому Союзу бывший форт Ино и обсудить условия передачи южной части о. Суурсаари в обмен на снятие требования Ханко. Советская сторона была готова отказаться от Ханко в пользу близлежащей группы островов, но это предложение Финляндия отклонила.

Последняя официальная встреча делегаций началась 3 ноября, однако достичь какого-либо прогресса в переговорах так и не удалось, и дело шло к повторению прежних доводов «за» и контраргументов «против». 13 ноября переговоры были вновь прерваны, как оказалось – окончательно. В Кремле давно уже предвидели возможность подобного исхода дела; поэтому параллельно дипломатическим мероприятиям шла активная подготовка к силовому решению «финляндской проблемы». 29 октября командующий войсками Ленинградского военного округа К.А. Мерецков утвердил «План операции по разгрому сухопутных и морских сил финской армии», в соответствии с которым в район границы начали стягиваться войска.

Несмотря на подготовку силовой акции, воевать Кремлю страшно не хотелось. С печальной безысходностью констатировав на Военном совете 13 ноября «нам придется воевать с Финляндией», Сталин, однако, не мог до конца поверить, что нет таких угроз, которые окажутся достаточными, чтобы заставить финнов подписать нужное соглашение – и, в общем, был прав. Но правильно рассчитать сопротивление «финского материала» ему не удалось. Развернутая в СССР политико-пропагандистская кампания по запугиванию

Хельсинки (газетные публикации с воинственными призывами, демонстрации советских трудящихся, разгневанных на белофинскую банду поджигателей войны, и т.п.) успеха не имела. В Хельсинки ждали получения какого-то самого последнего и грозного советского предупреждения, после чего можно будет пойти на некоторые уступки без потери лица, подчиняясь форс-мажору.

Таким предупреждением по замыслу Москвы должен был стать имевший место 26 ноября знаменитый «инцидент в Майнила», на деле грубая кремлевская провокация с обстрелом собственной приграничной территории и возложением вины на финляндскую сторону. В советской ноте протеста, направленной в тот же день правительству Финляндии, от того требовалось отвести свои войска на 20–25 км от линии границы. В ответной ноте от 27 ноября Финляндия отрицала свою причастность к обстрелу и предлагала совместное расследование инцидента, как то предусматривала Конвенция о пограничных комиссарах 1928 г. Соглашаясь на отвод своих войск, Хельсинки настаивал на соблюдении принципа взаимности, т.е. на такое же расстояние должны были отойти и советские войска. В ноте от 28 ноября Молотов квалифицировал финский ответ как документ, «призванный довести до крайности кризис в отношениях между двумя странами», и от имени правительства СССР заявил, что оно «считает себя свободным от обязательств, взятых на себя в силу пакта о ненападении...» [5, с. 45].

Повременим с изложением дальнейшего хода событий, чтобы оценить место «майнильского инцидента» в кремлевской стратегии переговоров с Финляндией. Расхожее мнение усматривает в нем *casus belli*, т.е. повод для войны. При этом упускается из вида, что война Финляндии как раз не объявлялась, следовательно, *casus belli* был просто не нужен. С международно-правовой точки зрения роль инцидента ограничилась созданием повода к выходу СССР из советско-финляндского пакта о ненападении. Но выход из договора – еще не война. Это последний шаг по пути к ней. Отсюда вырисовывается истинная политическая роль Майнилы – роль того самого последнего предупреждения, которого ждали в Хельсинки, и которое на языке дипломатии называется ультиматум. Предъявление классического ультиматума было невозможно, поскольку смысл подобных документов состоит в предварительном объявлении войны, но с отсрочкой для использования последней возможности мирного урегулирования отношений. Однако повторимся, войну Финляндии объявлять не собирались. А зная, с кем имеют дело, отсрочку продлили с обычных 24 часов до трех с половиной дней, разделивших инцидент и начало боевых действий, даже рискуя потерять столь важный при переходе в наступление фактор внезапности.

Судя по содержанию финляндской ноты от 27 ноября первоначально майнильский «намеки» остался непонятым Хельсинки. В Москве же сочли

свой «ультиматум» отклоненным, и вечером 29 ноября финляндский посланник в Москве Ирие Коскинен был вызван в НКВД, где заместитель наркома В.П. Потемкин вручил ему ноту о разрыве дипломатических отношений между СССР и Финляндией. В ответ посланник заявил, что несколько ранее получил из Хельсинки новую ноту МИД Финляндии для передачи правительству СССР, но что ожидается еще прибытие дополнительных инструкций. В этот момент из финского посольства сообщили, что инструкции получены. Посланник спросил, не согласится ли советское правительство принять ноту. На это Потемкин ответил, что врученная посланнику нота о разрыве дипломатических отношений «исчерпывает все вопросы, которые стояли между Советским правительством и нынешнем правительством Финляндии» [5, с. 46].

Ирие Коскинен все же переслал в НКВД запоздавшую ноту. В ней говорилось, что правительство Финляндии не имеет враждебных намерений в отношении СССР и вновь предлагает совместное расследование майниньского инцидента. Указывалось, что денонсация пакта о ненападении противоречила положению его статьи V о мирном разрешении конфликтов, а также протоколу 1934 г., согласно которому пакт не мог быть денонсирован ранее 1945 г. Вместе с тем, и это было главным, финляндское правительство выразило готовность договориться об одностороннем отводе своих войск «на такое расстояние от Ленинграда, при котором нельзя было бы говорить, что они угрожают безопасности этого города» [5, с. 46]. Таким образом, с запозданием, но ответ на «ультиматум» пришел, причем ответ положительный, если помнить, что единственным советским требованием в ноте от 26 ноября был односторонний отвод финляндских войск. Почему же этим не воспользовались в Москве? Формально потому, что ответ как бы не существовал, поскольку был получен после разрыва дипломатических отношений. Фактически потому, что в Москве потеряли надежду добиться от Финляндии значимых уступок мирным путем, тогда как военная кампания против нее представлялась Кремлю двух-трехнедельной разминкой.

Утром 30 ноября без объявления войны советские войска перешли границу и вторглись на территорию Финляндии.

«Териокское правительство» О. Куусинена

Если начало боевых действий было для Хельсинки полной неожиданностью, то не меньший сюрприз ожидал его на следующий день, 1 декабря. Оказалось, что в этот день на месте Финляндии возникло новое государство – Финляндская Демократическая Республика, возглавляемое своим Народным правительством. По месту создания этого «правительства» в занятом Красной Армией пограничном финском поселении Териоки и по имени возглавившего

его финского коммуниста-коминтерновца О.В. Куусинена оно и получило свое название.

Уже на следующий день между двумя государствами – СССР и ФДР – был заключен Договор о взаимопомощи и дружбе, подписи под которым поставили Молотов и Куусинен. Договор учитывал все советские нужды и пожелания. Так, ФДР соглашалась на перенос границы на Карельском перешейке путем уступки Советскому Союзу территории площадью 4 тыс. км² в обмен на территорию в Советской Карелии площадью 70 тыс. км². ФДР также сдавала СССР в аренду сроком на 30 лет полуостров Ханко с прилегающей акваторией радиусом 3–4 км для создания там военно-морской базы и, кроме того, обязалась продать за 300 млн марок ряд островов в Финском заливе.

С тех пор по сегодняшний день не умолкают дискуссии об истинных целях разыгранного Москвой фарса. Часть историков настаивает на исключительно прикладной роли этого «правительства» как средства давления на законные власти Финляндии, чтобы добиться от них требуемых уступок. Другие историки считают истинным смыслом его создания советизацию Финляндии с последующим инкорпорированием ее в СССР. И первые, и вторые, впрочем, сходятся в том, что одной из задач было представить советские мероприятия левому сектору финляндского общественного мнения по возможности в наименее отталкивающем виде и, тем самым, подорвать его волю к сопротивлению.

С последним предположением согласны и мы; но это вопрос тактики. А вот то, как обе точки зрения определяют стратегическую задачу, возложенную на «правительство Куусинена», нам представляется неверным. Относительно версии о прикладном характере этого «правительства» можно сказать следующее. Конечно, легко просматриваемая за его созданием угроза советизировать Финляндию – если в Хельсинки продолжат упорствовать – явилась бы мощным средством давления на ее законные власти. Но только в ходе переговоров! Однако «правительство Куусинена» заявило о своем создании уже после начала войны, когда в ходу были совсем другие «доводы». Впрочем, в первые дни декабря еще сохранялась возможность повернуть колесо событий вспять, тем более что СССР официально войну Финляндии не объявлял: можно было представить начавшиеся боевые действия как крупный пограничный конфликт, пойти навстречу настойчиво высказывавшимся пожеланиям Хельсинки вернуться за стол переговоров и там разыграть козырь Куусинена, если он предназначался именно для такого употребления. Однако ничего подобного не произошло. В конце войны, правда, один раз «правительством Териоки» все же козырнули, чтобы поторопить финнов с принятием советских условий мира, но этот случай мог и не подвернуться.

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

Сторонники концепции «советизации» находят подтверждение собственной правоты в событиях в Прибалтике лета 1940 г. Но это значит игнорировать тот очевидный факт, что осень 1939 г. и лето 1940 г. – суть две абсолютно разные эпохи в военно-политическом положении Европы, от которого напрямую зависели все внешнеполитические решения СССР. Проводить аналогию между событиями, принадлежавшими столь разным эпохам и касавшимися весьма разных стран, некорректно. Не вдаваясь в подробности, кстати, заметим, что советизация Прибалтики летом 1940 г. **стала результатом, а не была целью.** Прежние режимы просто утонули в море советских войск, наводнивших в июне-июле регион в качестве ответа Москвы на германские победы во Франции, и дальнейшее сохранение их у власти становилось бессмысленной игрой в политические поддавки.

Осенью 1939 г., в отсутствие реальных боевых действий между Германией и англо-французской коалицией, у Москвы сохранялись серьезные сомнения относительно необратимости изменений, произошедших благодаря пакту Молотова–Риббентропа в расстановке военно-политических сил в Европе, а именно: в надежности германской «дружбы» с СССР и невозможности какого-то примирения Берлина с западной коалицией. Кроме того, было не вполне понятно, кого из них Москве следовало больше опасаться. Отсюда вытекала политика *быть максимально предупредительным в отношении Германии, твердо придерживаться достигнутых с ней договоренностей и не провоцировать без нужды Лондон и Париж.*

Что это означало применительно к советской политике в финляндском вопросе, легко понять из опыта решения практически в это же время аналогичной задачи в Прибалтике. Как известно, там решение было найдено на путях подписания договоров о взаимопомощи, порядок заключения и содержание которых вполне вписывались в тогдашние представления о дипломатической норме, не вызвали ничьих протестов и были зарегистрированы Лигой Наций. Подобная сдержанность Москвы, советизаторские инстинкты которой, конечно, никуда не делись, объяснялась просто: в условиях войны безусловный приоритет оставался за вопросами безопасности. Осенью 1939 г. попытка советизировать балтийских соседей могла обойтись Москве очень дорого – политическим скандалом и даже вооруженным конфликтом с Францией и Великобританией и серьезным осложнением отношений с Германией.

Упоминание Германии в данной связи может показаться неуместным, но только в силу господствующего у нас заблуждения, будто право на «территориально-политическое переустройство», которым СССР и Германия наделили друг друга в отношении стран, отнесенных секретными протоколами к их сферам влияния, давало Москве и Берлину полный карт-бланш. В действительности, так далеко это «право» распространялось только на поделенные территории Польши. Во всех других случаях Москва и Берлин договаривались

ограничиться установлением над этими странами протектората – и не более того. На это, в частности, прямо указывалось в ноте МИД Германии правительству СССР от 21 июня 1941 г.: «В Москве при разграничении сфер интересов советское правительство заявило министру иностранных дел, что оно не намерено оккупировать, большевизировать или аннексировать государства, отнесенные к его сфере интересов, за исключением областей бывшего польского государства, находящихся в состоянии разложения... Оккупировав и осуществив большевизацию областей Восточной Европы и Балкан, входивших в сферу интересов СССР, которую ему уступило германское правительство, советское правительство поступило явно и недвусмысленно вопреки московским соглашениям» [6, с. 25]. О том же свидетельствовал и такой факт: договоры, предложенные в конце сентября Берлином тогда еще «германской» Литве, а Москвой – «советской» Эстонии в рамках программы «территориально-политического переустройства», были договорами именно о протекторате. (Германское предложение протектората Литве было снято ввиду перехода последней в сферу влияния СССР по Договору о дружбе и границе от 28 сентября, а советское предложение Таллинну – вследствие решительного противодействия ему эстонской стороны.)

Поскольку осенью 1939 г. Кремль панически боялся быть обвиненным Берлином в «превышении полномочий», борьба с советизаторскими настроениями, порожденными вводом частей РККА на территорию трех прибалтийских государств, становится важнейшей задачей руководства наркоматов обороны и иностранных дел. Так, в приказе Ворошилова о вступлении войск в Прибалтику от 25 октября говорилось: «Разговоры о “советизации” прибалтийских республик в корне противоречат политике нашей партии и правительства и являются безусловно провокаторскими... Настроения и разговоры о “советизации”, если бы они имели место среди военнослужащих, нужно в корне ликвидировать и впредь пресекать самым беспощадным образом» [6, с. 62]. Со своей стороны Молотов категорически требует от полпредов в Литве, Латвии и Эстонии прекратить все отношения с местными левыми и не допускать ни малейшего вмешательства во внутренние дела этих стран. Например, 21 октября 1939 г. он телеграфирует полпреду в Каунас: «Вам, всем работникам полпредства, в том числе и военному атташе, категорически воспрещаю вмешиваться в межпартийные дела в Литве, поддерживать какие-либо оппозиционные течения и т.д. Малейшая попытка кого-либо из вас вмешаться во внутренние дела Литвы повлечет строжайшую кару на виновного... Следует отбросить как провокационную и вредную болтовню о советизации Литвы» [6, с. 63–64]. 7 ноября по самому незначительному поводу он выговаривает полпреду в Таллинне: «Вас ветром понесло по линии настроений советизации Эстонии, что в корне противоречит нашей политике. Вы обязаны, наконец, понять, что всякое поощрение этих настроений насчет

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

советизации Эстонии или даже простое непротивление этим настроениям на руку нашим врагам и антисоветским провокаторам» [6, с. 64]. Строго придерживаясь этой линии поведения, Москве удалось обеспечить свои военно-политические интересы в Прибалтике мирным путем, оставаясь в рамках договоренностей с Германией и не давая англо-французской коалиции повода для вмешательства в происходящие события.

К огромному сожалению советского руководства повторить этот успех в Финляндии не удалось по причине упорства ее властей. Двух-трех недель, которые Москва в своих расчетах отводила на финскую кампанию, было явно недостаточно, чтобы в условиях отсутствия дипломатических каналов связи успеть договориться с Хельсинки о том, о чем не удалось договориться в течение предшествовавших двух лет, и закончить войну традиционным мирным договором. С другой стороны, в случае военно-политического разгрома Финляндии возникал вопрос о путях послевоенного урегулирования. Этих путей было два: либо установление оккупационного режима, что в принципе не отвечало советским традициям; либо ликвидация финляндской государственности и присоединение завоеванных территорий к СССР. Советско-германские договоренности не допускали ни того, ни другого. Лондон и Париж тоже вряд ли бы проглотили эту пилюлю, не поморщившись. Позволить себе «роскошь» такой колоссальной ссоры в Москве не могли.

Выход был найден в создании «правительства Куусинена». Оно позволяло Москве оставаться в рамках советско-германских договоренностей и, жонглируя понятиями международного права, попытаться притупить остроту англо-французской реакции на действия СССР. («Шедевром» этого жанра являются разъяснения, данные Молотовым Генеральному секретарю Лиги Наций 4 декабря 1939 г.: СССР не находится в состоянии войны с Финляндией и не угрожает финскому народу; СССР находится в мирных отношениях с ФДР, все вопросы отношений с которой решены договором о взаимопомощи и дружбе; прежнее правительство Финляндии сложило с себя полномочия; в настоящее время Советским Союзом совместно с правительством ФДР ликвидируется опаснейший очаг войны, созданный бывшими правителями Финляндии.) [7, с. 176–177]. Чтобы успокоить Берлин, Лондон и Париж относительно целей советской акции в Финляндии, ЦК КПФ (читай: Кремль) 3 декабря выступил с обращением якобы к общественности страны, а на деле к указанным столицам, в котором разъяснялся несоветский и несоциалистический характер Финляндской Демократической Республики и потому – невозможность ее вхождения в состав СССР [7, с. 172].

Какова могла быть дальнейшая судьба териокского эксперимента, если бы его на советских штыках донесли до Хельсинки, остается только гадать, но к исходным его целям это уже не имело прямого отношения. Чтобы не запутывать ситуацию и не создавать Кремлю лишних проблем в общении

с Германией, англо-французской коалицией и Хельсинки, «правительство Териоки» вело тихую незаметную жизнь и в конечном счете так же незаметно «скончалось» сразу после подписания мирного договора с законными властями Финляндии.

Ошибки и / или преступления?

Большинство отечественных историков признает неправомерный характер советской акции в отношении Финляндии, но находит ей оправдание в стратегической значимости решаемых с ее помощью проблем безопасности СССР накануне судьбоносной схватки с фашизмом. Бесспорно, организация защиты Ленинграда была одним из важнейших императивов советской внешней политики, в конечном счете – прямой обязанностью правительства перед своим народом, и никакие соображения международно-правового порядка не могли изменить эту данность. Как говорится, тем хуже для международного права. Замечательно просто и точно эту мысль в своих мемуарах выразил Н.С. Хрущёв. «Имели ли мы юридическое и моральное право на подобные действия? – вспоминает он нравственную дилемму, вставшую перед Кремлем после принятия решения о войне с финнами. – Юридического права, конечно, мы не имели. С моральной точки зрения желание обезопасить себя, договориться с соседом оправдывало нас в собственных глазах» [8, с. 11]. Нас в этом чувстве укрепляет и длинный перечень в большинстве своем весьма сдержанных предложений, сделанных Москвой официальному Хельсинки в процессе поиска мирного решения. Некоторые из них, как отмечалось выше, даже нашли поддержку у «отца нации» К.Г. Маннергейма. Впрочем, пусть другие выставляют оценки за поведение; нас больше интересует вопрос о том, насколько оптимальными были предпринятые на финляндском направлении шаги, и если они не были таковыми, то существовали ли альтернативные им методы обеспечения безопасности Ленинграда.

В этом смысле представляется практически безупречной советская линия поведения на переговорах, начиная с казуса Ярцева и заканчивая миссией Штейна. Правильно была выбрана форма переговоров – неофициальные контакты, которая избавила обе стороны от многих неудобств и даже опасностей. Правильной была разумная скромность советских пожеланий к Финляндии, учитывавшая не только сложный характер партнера по переговорам, но и реальные потребности СССР. Правильно делали, что ни одно из них не возводилось в ранг *sine qua non*. Сказались профессионализм НКВД и, как ни парадоксально, международная изоляция, в которой оказался СССР в 1936–1938 гг. и которая заставляла его действовать с утроенной осторожностью.

Совершенно иной оценки заслуживают действия Кремля в ходе последнего перед войной раунда советско-финляндских переговоров. Именно Кремля,

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

поскольку в результате отставки М.М. Литвинова с поста наркома в мае 1939 г. и повального репрессирования дипломатических кадров НКВД перестал играть сколько-нибудь заметную роль в разработке внешней политики СССР, которая стала заложницей непрофессионализма Молотова и Сталина. Заключив договор с Германией и, после двух десятилетий прозябания на периферии континента, вдруг ощутив себя важными игроками в европейском политическом казино, эти персонажи дали волю своей великодержавной спеси, чем и обрекли переговоры на провал. Предъявленные Финляндии заградительные по жесткости и объему требования были заведомо для нее неприемлемы. Вырвать у финнов согласие на эти требования можно было только под угрозой войны и советизации. Однако козырь Куусинена вообще остался не разыгранным, а угроза прибегнуть к силе прозвучала для финского уха слишком тихо: за несколько дней до начала войны была распущена по домам часть призванных ранее резервистов, на Карельский перешеек возвращались заблаговременно эвакуированные жители. Правительство СССР не сумело воспользоваться ради сохранения мира таким мощным инструментом дипломатии, как предъявление ультиматума. Ценой этих ошибок стала война с чудовищными людскими, материальными, политическими и репутационными потерями. Могут возразить, что заплатив эту непомерную цену, Сталин все-таки сумел решить главную задачу – укрепление обороны Ленинграда. Посмотрим, так ли это.

Для начала рассмотрим ситуацию на Карельском перешейке, откуда город, якобы, мог обстреливаться даже с территории соседнего государства. Этот смешной аргумент не имеет отношения к реальной оценке стратегической ситуации, поскольку дальность стрельбы тогдашней артиллерии сухопутных войск обыкновенно не превышала 6–9 км, в редких случаях достигая 12–15 км. Несколько штук орудий сверхкрупных калибров повышенной дальности стрельбы класса «Стройная Берта» и «Колоссаль» имелись только у вермахта; они были экзотическим явлением, требовали проведения серьезных инженерных работ для перемещения и установки (включая прокладку специальных железнодорожных путей) и нигде ни разу не оказали сколько-нибудь заметного влияния на ход боевых действий. Кроме того, будучи размещены рядом с границей, они становились легкой целью для обычных систем вооружений РККА.

Если же рассуждать серьезно, то 32 км было вполне достаточно, чтобы создать на своей территории глубоко эшелонированный, практически непреодолимый – особенно с учетом природно-климатических условий местности – укрепленный район с дотами, надолбами, контрэскарпами, стационарными огневыми позициями, минными полями и проволочными заграждениями. Если даже маленькой Финляндии с ее ничтожным военным бюджетом удалось протянуть две жиденькие линии обороны, о которых сам их создатель –

маршал Маннергейм – отзывался весьма уничижительно [4, с. 237], но которые в течение изрядного времени сдерживали наступление многочисленных советских войск, то для СССР создание укрепрайона, вероятно, не представляло особых трудностей. Собственно говоря, Наркомат обороны так и планировал решить «ленинградскую проблему», когда в 1936 г. вошел в правительство с предложением вывести эту территорию из хозяйственного оборота для проведения там инженерно-строительных работ оборонного назначения. В течение трех лет ничего сделано не было, потому, возможно, что Сталин надеялся решить вопрос путем военно-политического принуждения Финляндии. Хотя простой перенос границы на два-три десятка километров был отнюдь не равноценен с точки зрения обеспечения безопасности Ленинграда сооружению мощного укрепрайона. А о несопоставимой цене обоих вариантов нечего и говорить.

Другим условием *sine qua non* мирного соглашения с Финляндией Кремль, как известно, называл передачу ему полуострова Ханко. Для правительства Хельсинки это требование было даже более болезненным, чем вопрос о Карельском перешейке. Его принятие означало появление иностранных войск в основной материковой части страны, причем недалеко от ее столицы, и ставило под вопрос сам нейтральный статус Финляндии. Мы не говорим уже о том, что возвращение войск бывшей метрополии в места их прежней дислокации было красноречивым «приветом» общественному мнению страны из ее недавнего зависимого прошлого. С учетом всех обстоятельств ожидать от финнов добровольных уступок в данном вопросе не приходилось, т.е. завладеть Ханко можно было исключительно ценой войны. Однако вопрос о Ханко оказывается куда шире проблемы цены.

Прежде всего, эта база была не нужна Советскому Союзу вообще. В имперские времена ее существование на входе в Финский залив оправдывалось тем, что острова, все побережье и сама акватория залива являлись частью Российской империи, которую необходимо было защищать. В этой системе координат Ханко мог рассматриваться и как аванпост единой системы обороны имперской столицы. Теперь за Ханко лежали не советские, а финляндские и эстонские территориальные воды, побережье и острова. До Кронштадтского узла обороны было порядка 450 км, и оказать ему поддержку в военнотехническом плане Ханко не мог. Кого и что в таком случае он должен был защищать?

Еще одним принципиальным отличием в положении базы до 1917 г., с одной стороны, и после предполагавшейся передачи СССР – с другой, было то, что в первом случае она размещалась на собственно имперской территории, и ее жизнеобеспечение не представляло особой трудности. Теперь же из-за удаленности базы от советских центров снабжения, но главным образом ввиду ненадежности путей доставки, материально-техническое обеспечение

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

Ханко становилось задачей практически нерешаемой. В 1941 г. число находившихся там советских гражданских лиц и военнослужащих составило 30 тыс. человек, которых надо было кормить, одевать, лечить и т.д. Постоянно требовались боеприпасы, топливо, запчасти. Между тем на полгода залив замерзал, делая невозможной доставку морем. Оставалась 400-километровая железная дорога Ленинград – Ханко, проходившая по территории Финляндии, и, соответственно, ею контролируемая. Воспользоваться этим путем СССР мог только в двух противоположных случаях: полюбовной договоренности с законными властями Финляндии, либо установления над ней полного военно-политического контроля. Промежуточное между этими решениями «финляндской проблемы» в целом не решало частной проблемы Ханко. Легко было предвидеть, что «раненая», но не добитая Финляндия при первой возможности постарается перерезать дорогу, чтобы выжить базу со своей территории. Поэтому в варианте переговоров осени 1939 г., равно как и в варианте мирного договора, заключенного после зимней войны, проблема Ханко решения не имела. Точнее говоря, достигнутое, казалось, решение обесмысливалось самим методом его достижения. Фактическая история Ханко является тому подтверждением. После начала войны 1941 г. база была блокирована со стороны суши отрядами финляндской армии и шведских добровольцев и, бесславно просуществовав до поздней осени, так и не сделав ни одного залпа по германским вооруженным силам, с конца октября по начало декабря с огромным трудом и тяжелейшими потерями была эвакуирована. Ко времени эвакуации нормы продуктового довольствия военнослужащих начинали отдаленно напоминать ленинградские блокадные; в следующие два-три месяца базу ждала голодная смерть. Примечательно, что после 1941 г. к вопросу о Ханко Кремль никогда больше не возвращался.

Таким образом, оба ключевых советских требования к Финляндии, которые пустили переговоры под откос и привели в конечном счете к войне, вернее даже двум войнам – зимней и так называемой «войне продолжения» 1941–1944 гг., – были на момент их предъявления бессмысленными с точки зрения обороны Ленинграда, а в чуть более длительной перспективе – просто контрпродуктивными. В то же самое время последние предложения Финляндии шли даже дальше советских требований 1938 – апреля 1939 г. и, бесспорно, могли стать основой соглашения сторон. Вся информация, необходимая для принятия правильного решения, открыто лежала перед Сталиным и Молотовым на столе. Однако Хозяина и его политического денщика охватило безудержное холопское желание примерить сапоги русских императоров. Ценой этой примерки стали две войны, на которых погибли порядка 550 тыс. человек, а жертвами ранений, обморожения и т.п. стали еще 800 тыс.

Дипломатия военного времени и мирный договор

После начала войны выяснилось, что в Европе не было страны, заинтересованной в ее продолжении. Великобритания и Франция выступали против нее, поскольку не желали усиления позиций советско-германского альянса в Скандинавии в результате неизбежной победы СССР. Германия опасалась вооруженного англо-французского вмешательства в происходящие события и, попутно, установления контроля союзников над Швецией и Норвегией. Этому же опасались и сами скандинавы, помимо угрозы быть втянутыми в войну с СССР в силу идеи скандинавской солидарности. Поэтому не успела война начаться, как закипела явная и подспудная дипломатическая работа ради ее окончания.

Больше других в скорейшем прекращении боевых действий была заинтересована Финляндия. Ее дипломатия уже в первые дни войны благодаря посредническим услугам США и Швеции дала Москве знать о своей готовности вернуться за стол переговоров. Одновременно Хельсинки пытается найти защиту у Лиги Наций, к которой обращается 3 декабря с просьбой о посредничестве и помощи.

Миротворческие усилия поначалу не находили сочувствия в Москве, явно сделавшей ставку на быстрый разгром Финляндии и воцарение в Хельсинки «правительства Куусинена». Чтобы без лишних политических издержек отделаться от несвоевременного вмешательства миротворцев, Москва уверяла последних, в духе процитированного выше ответа Молотова Генеральному секретарю Лиги Наций, что ни с кем не воюет и пр. и пр. Отказы ваться от поступающих со всех сторон предложений о мире Кремль вынуждали и неудачи Красной Армии на Карельском фронте в декабре 1939 – январе 1940 г.: в таком контексте их принятие было бы обязательно расценено как свидетельство слабости. С другой стороны, изо дня в день усиливалась международная изоляция СССР, и нарастала угроза активного противодействия его политике со стороны самых разных стран. Уже 2 декабря США объявили эмбарго на поставку в Советский Союз стратегического сырья и промышленных изделий, весьма болезненного для армии и народного хозяйства. 14 декабря, по результатам рассмотрения обращения Финляндии в Лигу Наций и ввиду невыполнения Москвой решения Совета этой организации о прекращении боевых действий, СССР был из нее исключен. Из сочувствующих Финляндии стран ширились поставки вооружения и посылка добровольцев. Общественное мнение Швеции и Норвегии усиливало давление на свои правительства в направлении оказания борющемуся соседу более действенной помощи. По соображениям военно-политического и экономического порядка против затягивания войны выступала и Германия. Однако самым пугающим

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

событием было, конечно, принятие 5 февраля Высшим военным советом союзников решения об оказании Финляндии вооруженной помощи путем отправки экспедиционного корпуса. Времени для победоносного окончания войны оставалось все меньше, возможно, его уже не хватало.

Сложившаяся ситуация заставила Москву срочно продемонстрировать свою готовность завершить дело международно приемлемым порядком, т.е. путем переговоров с Хельсинки по дипломатическим каналам, предоставленным посредниками. 21 января в Стокгольме состоялась встреча между неофициальным представителем правительства Финляндии, известной общественной деятельницей страны Х. Вуолийоки с прибывшими из Москвы сотрудниками НКВД Ярцевым и Грауэром. Согласно полученным инструкциям, Вуолийоки сообщила, что правительство и Сейм Финляндии готовы принять за основу мирного соглашения условия договора СССР с «правительством Куусинена». Последовавший за этой встречей месяц был наполнен контактами советских и финских представителей с шведско-норвежскими международными посредниками. Совершенно изумительную роль в организации и проведении этой наисложнейшей дипломатической операции сыграла полпред СССР в Швеции Александра Михайловна Коллонтай. По итогам этого зондажа в беседе с посланником Швеции в Москве В. Ассарссоном 20 февраля, Молотов впервые заявил о готовности СССР вернуться к переговорам с законным правительством Финляндии. Нарком, однако, предупредил, что теперь СССР требует весь Карельский перешеек, а также район севернее Ладожского озера. 23 февраля правительство Финляндии ответило согласием на все советские требования, параллельно отчаянно пытаясь создать профинляндскую коалицию в составе Великобритании, Франции, Швеции и Норвегии, в частности уговорить скандинавских соседей пропустить англо-французские войска. 6 марта правительственная делегация Финляндии во главе с премьер-министром Р. Рюти вылетела из Стокгольма в Москву. Чтобы не дать финнам времени на продолжение попыток создать упомянутую коалицию, – а они не прекращались вплоть до 12 марта, – советское правительство отказалось приостанавливать боевые действия на время переговоров. 11 марта условия мирного договора были окончательно определены. Они включали передачу Советскому Союзу всего Карельского перешейка с городом Выборг, Выборгского залива с островами, западного и северного побережья Ладожского озера с городом Сортавала, а также ряда других менее значительных территорий. СССР получал в аренду на 30 лет полуостров Ханко с близлежащими островами с правом создания там своей военно-морской базы. Из других статей договора политически значимым было обязательство не заключать союзов и не участвовать в коалициях, направленных против одной из договаривающихся сторон. 12 марта 1940 г. договор был подписан.

Зная, как дальше развивались события в годы Второй мировой войны, трудно не согласиться с выводом, сделанным маршалом Маннергеймом о политике СССР в отношении Финляндии: «История показывает, что сильнейший редко демонстрирует дальновидность и умеренность. Именно этих качеств и не хватало руководителям Советского Союза. Их снова подвели высокомерие и чувство меры, в течение столетий “en Russie quand on n’atteint pas le but, on le depasse toujours”». («В России, когда не удается достичь поставленной цели, обычно идут еще дальше») [4, с. 312].

Литература

1. «Линия Паасикиви». Статьи и речи Ю.Е. Паасикиви. 1949–1956. – М., 1958.
2. Кекконен У.К. Финляндия и Советский Союз. – М., 1975.
3. Донгаров А.Г. Война, которой могло не быть: К политической и дипломатической истории советско-финляндского вооруженного конфликта (1939–1940) // Вопросы истории, литературы, искусства. – М., 1990. – № 5.
4. Маннергейм К.Г. Воспоминания. – Минск: изд-во «Попурри», 2012. – 512 с.
5. Донгаров А.Г. Предъявлялся ли Финляндии ультиматум? // Военно-исторический журнал. – М., 1990. – № 3.
6. Донгаров А.Г. СССР и Прибалтика. 1939–1941 гг. – М.: «Вторая типография», 2010. – 168 с.
7. Семиряга М.И. Тайны сталинской дипломатии. 1939–1941. – М.: Изд-во «Высшая школа», 1992. – 303 с.
8. «Огонек». – 1989. – № 30.